

рять. Она являет нам ничтожность нашего тела и величие духа, умеющего объять сияющие бездны».

Ничтожность тела и величие духа — я думаю, именно этот контраст вызывал доходящий до экстаза благоговейный восторг аудиторий последних месяцев жизни Достоевского. «Некрасивое, болезненно-бледное лицо», «с некрасивым и на первый взгляд простым лицом»... И о его триумфальной Пушкинской речи очевидцы вспоминают, начиная с этого контраста.

«Он вспоминается мне невысоким, тщедушным, с лицом бледным, напряженно сосредоточенным и неприветливым».

«Взошел на кафедру невзрачного вида, тощий, согбенный человек, с изжелта-пергаментным, сухим, некрасивым лицом, с глубоко впавшими глазами, под выпуклым, изборожденным морщинами лбом».

И после провозглашения пророчества о всемирном единении людей — «рев», «воплъ восторга», «незнакомые люди плакали, рыдали, обнимали друг друга».

Не случайно же, тонко замечает Волгин, круг особенно преданных почитателей Достоевского составляют женщины, которые «любят ушами», а круг почитателей Толстого — мужчины-идеологи. Синергетический эффект иногда порождается и контрастом: сопоставление этих антиподов — Толстого и Достоевского — неожиданно открывает, что проповедник земной естественности Толстой в собственной семье был отчужденным олимпийцем, а вечно уносящийся в заоблачные выси Достоевский был естественнейшим любящим мужем и отцом, что было очень нелегко при его болезненной раздражительности. И расстался он с жизнью без всякой аффектации, соблюдая все положенные ритуалы и даже поинтересовавшись, успела ли пообедать Анна Григорьевна.

Тоже бесконечно трогательная в своей наивности и преданности — «Круговая порука» еще и гимн женской любви. Этот пророк и учитель для любящей жены чуть ли не маленький ребенок, на которого можно обижаться, но в конце концов всегда прощать.

На его похоронах все снова объединились и простили друг друга, либералы и консерваторы, славянофилы и западники, ненадолго если не осознав, то ощутив, что есть нечто несравненно более важное, чем все политические программы, которые суть не более чем технические средства, но никак не цели, — что есть в мире нечто несравненно более высокое — величие человеческого духа, величие человеческого гения.

С этим ощущением и заканчиваешь замечательную книгу Игоря Волгина. И вспоминаешь бесконечные дискуссии, какими должны быть учебники истории, которые не чурались бы жестокой правды и все-таки рождали любовь к своей стране, — вот такими они и должны быть.

Александр МЕЛИХОВ

ЛЕГКОЕ ДЫХАНИЕ ПАМЯТИ

Вера Зубарева. Школьный двор. М.: Флорериум / Rugram, 2023. — 236 с.

Есть книги особенные, неожиданные и нетипичные для нашего времени. «Школьный двор» Веры Зубаревой — как раз из числа таких библиографических редкостей. Казалось бы, это обычное воспоминание о детстве и юности автора. Но думать так — большое заблуждение. В этом убеждаешься практически с первой страницы.

«Школа наплатила нас тем, чем мы живы и поныне, что несем в себе и будем нести всегда. И не только мы, но и те, что придут и пришли после нас, каждое последующее

поколение», — уже эти слова, сказанные во вступлении, дают читателю понять, что речь пойдет о чем-то очень важном, предельно сокровенном и в то же время общечеловеческом. И с первых же фраз книга захватывает настолько, что от нее уже невозможно оторваться до самого конца, потому что все здесь — настоящее. Это жизнь, истинная правда о человеке, соприкасаясь с которой мы вспоминаем, кто мы есть на самом деле.

Соединив черты мемуарного очерка и художественной прозы, Вера Зубарева создала книгу-исповедь, книгу-противоядие от столь частой в современной литературе стиливой небрежности и нарочитой сложности. А еще это настоящее лекарство от ностальгии для тех, кто, будучи коренным жителем Одессы, вынужден был в силу тех или иных причин покинуть свою родину и искать пристанище на чужбине. Вера — сама коренная одесситка, знающая о своей малой родине все до мельчайших подробностей, способная видеть ее изнутри, а не глазами сторонних наблюдателей — пришлых зевак-туристов, для которых город у Черного моря — всего лишь курортная зона.

Нет, совсем не об этой Одессе идет речь в книге. А о том совершенно уникальном пространстве, где царствуют старые дворники и скверы, где рядами стоят дачные домики, казавшиеся в то время настоящими дворцами, где главной диковинкой для приезжего является «толчок» — любимое место модниц, предпочитающих «иностраннный пошив», где никто не существует по отдельности, являясь частью одной большой семьи. Здесь даже профессор и вор в законе принадлежат единому сообществу, ибо все «из одной виноградной лозы, из одних двориков, одного моря и одной Дерибасовской, и увидеть, кто есть кто, особого труда не представляло».

Одним словом, Одесса — это люди. Об этом говорит нам и сам повествователь, пребывающий уже много лет вдали от родного города, но несущий его в себе как непреходящую, вечную ценность. В сущности, он и не поменял место жительства, «потому что Одесса — это одесситы. И если одесситы вдруг всем скопом собрались бы переехать на другой континент, то и там развели бы Одессу по всем углам и закоулкам, как это произошло на Брайтоне в Нью-Йорке при значительном скоплении одесситов».

И вот именно изнутри такой Одессы (которая, безусловно, является главным героем «Школьного двора») и стоит смотреть на все описанные события. Кажется, что, работая над книгой, Вера нынешняя на время превратилась в себя прежнюю, совсем еще юную ученицу класса «Б» школы № 90. Глазами этой девочки и мы, читатели, смотрим на происходящее и на людей, которые ее окружали. Вот перед нами два снимка класса Веры — первый и последний день пребывания ребят в школе. Казалось бы, те же ступени, те же позы, тот же фон сзади... Если, конечно, не принимать во внимание «то общее выражение печали, почти подавленности, которое никому не удалось бы специально срежиссировать». Это единое выражение, связанное с осознанием, что детство навсегда уходит, все же не превращает запечатленных на фотографии в безликую массу — каждый индивидуален, имеет свою личную историю. Каждому посвящен отдельный рассказ повести, написанный ярким, живым и в то же время прекрасным литературным языком. Простота слога в сочетании с глубиной и многогранностью передаваемых мыслей и чувств является показателем высшего мастерства и незаурядного таланта автора, «поднимающего» повествование до уровня лучших образцов классической литературы.

Вспоминается знаменитый роман Бориса Васильева «Завтра была война»...

Герои романа «Школьный двор» тоже в свое время пройдут через суровое испытание, когда события одесского майдана раскидают их по разным уголкам планеты. Мы будем внимательно следить за их судьбами, тщательно и с любовью описанными, от начала и до конца. Следить и поражаться тому, как непредсказуема иной раз бы-

вает жизнь, преподносящая неожиданные сюрпризы или обманывающая нас в самых лучших ожиданиях.

Каждый из одноклассников Веры показан крупным планом, со всеми частными подробностями личной жизни. У каждого оказывается своя изюминка и свой скелет в шкафу. Вот удивительная Неточка Ивинская — местная достопримечательность, которой прочили будущее великой балерины. За ней с замиранием сердца следила вся Одесса, но однажды «золотая карета рассыпалась», а Неточка проснулась обычной ученицей шестого класса, поскольку «балерина уснула в ней навсегда». Вот блистательная Прыткова, поддельная Наташа Ростова, чей возвышенный полет прервался на Севере, где «она жила в какой-то глуши, в съемной хибаре» со своим женатым суженым. Вот Ритка — «молчунья, сфинкс, загадка без разгадок, вещь в себе. Глубокая, как земля, полная внутренних переплетений». А вот Колька, неуклюжий первоклассник, объект насмешек для всей школы — до тех пор, пока в нем не обнаружатся задатки гения, историка и самбиста, музыканта и борца за справедливость. Увы, он уйдет самым первым, умерев на руках медсестры — его бывшей одноклассницы Кали...

Аналогия с романом Васильева тем очевиднее, что в заключительной главе «Окно» мы тоже узнаем о том, как сложилась судьба каждого из героев. Следом за Колькой сопьется и умрет от инфаркта Парибон, влюбленного в Прыткову Чебурека «подрежут в драке». Зато лучшая подруга, рыжеволосая «ундина» Феля, объявится в Штатах и «накатает» автору книги такое письмо, после которого состоится трогательная встреча трех школьных подруг — Фели, Риты и Веры. И продолжится дружба, у которой не может быть окончания.

В романе есть две главы, которые по праву можно считать кульминационными — «Победы и поражения Сусанина» и «Школьный Декамерон». Это своеобразные сцены саморазоблачения главных героев, когда под прикрытием литературного персонажа каждый рассказывает о себе и своей личной беде. «Девочка в большой коммунальной квартире», рано потерявшая маму, — это Ольха, мальчик, нашедший чудесного доктора для своей больной мамы, — молчаливый Сабоня. А вот в девочке, полюбившей своих соседей, как родных дедушку и бабушку, мы узнаем саму главную рассказчицу — автора книги.

Последние главы «Школьного двора» менее сюжетны, но более философичны и сентиментальны. Здесь Вера Зубарева отчасти становится собой прежней — взрослой женщиной, состоявшимся литератором, которого по-прежнему не отпускают воспоминания. Все чаще звучит тема прощания: с домом, который уже знал, что его хотели бросить, и «беззвучно плакал в подушку», с прежними привязанностями, с несостоявшимся спутником жизни Сабоней, чьи черты становятся все более расплывчатыми и неясными — как у «светловолосого» из тревожного сна во время разыгравшейся розы ветров.

Наконец, это окончательное прощание с детством и юностью — они не уйдут, но навсегда останутся на пороге школы. Потому что, если верить автору, школа и единственное горящее в ней окно — это конечный пункт назначения. То самое место, где «лишь годы спустя» проявляется особый свет — истинный свет нашей души, хранящей «легкое дыхание памяти». Такое же легкое, как слова этой книги, автор которой сумел раскрыть себя в прозе как истинный поэт: «Когда тьма накроет город и у будущего останется только прошлое, когда пожухнут виноградные лозы и дворы превратятся в слепцов, когда пепел будет витать в воздухе, оседая на ступенях домов и осыпаясь буквами с газет, где об этом ни слова, когда море выплеснется магмой на берег и алые паруса пожарищ полыхнут по истории, когда жизнь забьется в раковины домов, мы придем сюда, в этот школьный двор, где двери будут заперты, а окна черны, все, кроме одного — нашего! Мы придем сюда, где бы мы ни были, и будем ждать

тех, кто еще в пути. Нас будет в десять раз больше, потому что каждый год в школе — это отдельная жизнь. Мы придем сюда со всеми своими жизнями, как приходят родители с детьми, и окно встретит нас тем особым светом, который проявляется лишь годы спустя».

Елена СЕВРЮГИНА

КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Василий Аксенов. Флегонт, Февруса и другие: Повесть, рассказ.

СПб.: Лимбус Пресс, 2023. — 320 с.

Не рассказ, не повесть, не роман, просто честный неторопливый — и очень красочный — отчет об одной случившейся поездке и рыбалке. Из сибирской деревни Ялань, что на левом притоке Енисея, реке Кемь (малая родина Василия Аксенова), главный герой с другом детства отправляются в старообрядческую деревеньку Колдунья, к родителям жены друга, чтобы порыбачить на правом притоке Оби — реке Кеть. Незамысловатый сюжет включил в себя богатую, многослойную русскую историю. Едут друзья от Ялани, бывшего Сретенского острожка, до Маковского, бывшего Маковского острога, далее до Колдуньи, основанной во время царствования Алексея Михайловича не стрельцами и не казаками, а крестьянами-переселенцами из Центральной России. И добираются друзья до Колдуньи волоком, пробитым в самом начале XVII столетия стрельцами. Этим волоком переправлялись когда-то грузы, почта, войска, переселенцы и ссыльные. По нему провозили на Байкал протопоба Аввакума с его детьми и верной женой Анастасией Марковной. Этим волоком шел казачий атаман и торговец мехами Дежнев, землепроходец Хабаров, окольный и воевода Лобанов-Ростовский с трехтысячным войском служилых... И еще много, много людей славных, знаменитых прошло по этому пути. «Все это, о чем только что было сказано, — сама история — душу тревожит, обволакивает, когда сюда ты попадаешь. Не удивительно. Живя в Ялани-то, мы и привыкли, все нам там кажется обычным. Да и следы тысячных войск и знаменитых первооткрывателей нами затоптаны давно — не различаем». Сюда, в далекую Сибирь бежали от никоновской реформы подальше от зоркого царского ока и царевой тяжелой руки в разные времена и последователи старой веры. В обширном районе есть все. «От поповцев, беспоповцев, поморских, часовенных, бегунов, голбешников, подпольщиков, скрытников, федоринцев и до каких-то дырочников, если такие существуют, а не выдумал их кто-то, как эльфов или хоббитов. Может, и хоббиты и эльфы существуют, я не знаю». И в деревне Колдунья издавна уживаются старообрядцы и никониане. Под Маковское, «прямо в сосновый бор, в лютые февральские морозы, во время коллективизации, был вывезен — из Сибири, что называется, в Сибирь — и мой дед Макей Дмитриевич Ершов-Русakov со своим многочисленным семейством, в том числе и с моей, тринадцатилетней тогда, матерью. Вывезено семейств было много. Из близлежащих сел и деревень. Назад вернулось мало. Моим довелось. Чтобы через год отправиться еще дальше — на комсомольскую стройку Игарки. Построили. И до сих пор стоит портовый город», — вспоминает главный герой повести, от лица которого введется рассказ. В. Аксенов с любовью, красочно описывает старинные добротные дома, рубленные из лиственницы. С нескрываемым удовольствием, с гордостью пишет о том, что и по сей день у нежилых домов стекла в окнах не выбиты, двери с петель не сняты, шифер с крыш не сдернут. И стоят они не-